

*В.С. АВТОНОМОВ,
Е.Ю. БУРИНА*

Фридрих Лист в России*

Статья посвящена восприятию идей выдающегося немецкого экономиста Ф. Листа в России и Советском Союзе в разные исторические периоды. Лист известен как критик английской классической политэкономии, подвергший сомнению ее универсальную применимость. Он предложил альтернативную экономическую теорию и политику для стран, не имеющих развитой промышленности. Особое внимание он уделял поэтому поддержке молодых отраслей промышленности. В России разные стороны идей Листа получили большую популярность, хотя этого нельзя сказать о его поддержке политической свободы и демократии.

Ключевые слова: Лист, классическая политическая экономия, немецкая историческая школа, свободная торговля, протекционизм, производительные силы, русская экономическая мысль, Мордвинов, Витте, Струве, Булгаков, “критика буржуазной политической экономии”.

DOI: 10.31857/S086904990004147-3

JEL: B11, B12, B15, B29, B30, B31.

Фридрих Лист: личность и творчество

Ф. Лист (1789–1846) занимает в истории экономических учений особое место. После того, как, благодаря усилиям А. Смита, английская классическая экономическая наука стала самостоятельной и была с энтузиазмом принята во многих странах (включая Россию и германские государства), Лист оказался первым, кто просто и ясно поставил под вопрос возможность ее универсального применения, нашупал ее временные и пространственные ограничения. Истину, негласно претендующую на абсолютность и всеобщность, он назвал относительной и избирательной, а следующие из нее фридереские политические выводы – анахроничными для большинства стран. Поэтому для представителей основного течения экономической науки (классиков и неоклассиков) он навсегда остался вне закона, а их оппоненты регулярно вспоминали о его взглядах и опирались на них.

* В основу статьи положена написанная авторами глава коллективной монографии “The Economist Thought of Friedrich List”, вышедшая в 2018 г. (под редакцией Н. Hagemann, S. Seiter, C. Wendler). С разрешения руководителя этой работы мы предлагаем вниманию читателя русскую версию этой главы, которая подверглась некоторой переделке, поскольку адресована аудитории, с одной стороны, менее знакомой с жизнью и творчеством Листа, а с другой – знающей российские и советские реалии, менее известные зарубежным читателям. Печатается с разрешения редакторов книги.

Автор статьи – Владимир Сергеевич – член-корреспондент РАН, профессор Департамента теоретической экономики Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”; заведующий сектором Национального исследовательского института Мировой экономики и международных отношений РАН. Адрес: 101000, Москва, ул.Мясницкая, 20. E-mail: vavtropotov@hse.ru

Буряна Елизавета Юрьевна – бакалавр Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, магистрант Университета Paris-I (Pantheon–Sorbonne). Адрес: 101000, Москва, ул.Мясницкая, 20. E-mail: e.burina@list.ru

Жизнь Листа, полная творческих планов, приключений, преследований, могла бы стать сюжетом увлекательного повествования, которое, однако, не входит в наши задачи (подробнее см. [Wendler 2015]). Но несколько вступительных слов все-таки нужны. Лист начал познавать республиканские идеалы в школе своего родного старого имперского города Ройтлингена, который потерял независимость и демократические институты только в 1802 г., а затем продолжил получать образование в Тюбингене как студент-юрист. В университете, как можно предположить, наибольшее влияние на него оказали идеи Ш. Монтескье. Но не теории, а жизненные проблемы были в центре его внимания.

Листа можно назвать предпринимателем-романтиком. Он придумывал и создавал различные новые комбинации в шумпетеровском понимании, с использованием новой техники и организационных форм, но практически никогда не пожинал их плоды — это делали другие. Он создал много проектов для различных государств, но руководство ими и доходы от них также неизменно доставались другим. Мечты Листа всегда вдохновлялись практикой, хотя и не всегда воплощались в жизнь. Он был чужд абстрактного теоретизирования (тут не обвинение, а свойство характера), и в этом корень его разногласий с английской школой. Поэтому, когда он лично занимался обобщением своих экономических взглядов, они оставались на уровне здравого смысла, а орудиями его анализа являлись межстрановые и межпериодные сравнения и органические (не механические) метафоры.

Как и его предшественники — меркантилисты, Лист видел экономические проблемы на уровне нации (государства) и государственной политики, в то время как Смит, хотя и назвал свою книгу “Богатство наций” (перевод “Богатство народов” — неточен), но рассматривал это богатство как результат взаимодействия свободных индивидов, которым правительство не должно мешать, если они, конечно, не нарушают свободу конкуренции. Неспособность или нелюбовь к абстракции заставляла Листа видеть качественные различия между видами экономической деятельности там, где английские классики видели их однопорядковость, что давало им возможность перейти к количественному анализу.

Как и другие немецкие мыслители, Лист не мог представить экономику вне истории и выделял в ней последовательность стадий. Вершиной для него была аграрно-торгово-индустриальная стадия, в которой промышленность и транспорт (особенно любимые Листом железные дороги) играли лидирующую роль. Первой этой стадии достигла Великобритания, которая затем, используя свои преимущества, пыталась навязать остальному миру свободную торговлю, тогда как она сама достигла успеха с помощью протекционистских методов. Отсюда рецепт Листа для всех, кто пытаются догнать лидера в индустриальной гонке: уподобившись огороднику, высаживающему в землю рассаду, а не семена, защищать новорожденную промышленность протекционистскими барьерами, пока она не достигнет конкурентоспособности с лидером. Как видение, так и выводы, которые следуют из этой картины, прямо противоположны учению Д. Рикардо о сравнительных преимуществах. Рикардо считал производимые блага однопорядковыми, откуда следует всеобщая выгода свободной торговли. Лист же полагал, что промышленность ценнее всех остальных отраслей и ее продукты на первых порах подлежат защите независимо от издержек производства.

Следует отметить еще одно важное отличие Листа от английских классиков. Он явноставил на первое место дух, а не материю, его “производительные силы” были гораздо более разнообразны, чем классические факторы производства. Опять-таки, количественно их никак не измеришь и в точную науку не впишешь. Но демократические институты, а также основные права человека (физическая свобода, право на равенство, право на развитие и использование собственного умственного потенциала, право на частную собственность, на физическую неприкосновенность, признание человеческого достоинства) были очень важными компонентами производительных сил Листа. За свои либеральные взгляды он сильно пострадал и на долгие годы стал политическим эмигрантом.

Качества Листа, отмеченные его русскими коллегами

История восприятия идей Листа в России напоминает саму историю России. Отношение к немецкому ученому в нашей стране менялось вследствие изменений не только во внешнеторговой политике, но и в политической и экономической системе в целом. Можно также заключить, что в системе представлений Листа встречаются идеи, которые становились ключевыми в российской политике и экономике в разные периоды ее истории. Перед российскими коллегами он представлял в четырех главных амплуа:

- как сторонник развития промышленности, железных дорог и капиталистического производства в целом;
- как приверженец протекционизма в международной торговле;
- как противник материализма, подчеркивавший важность культурных и духовных производительных сил;
- как убежденный националист, заботящийся о геополитических интересах Германии.

Но есть еще одно качество Листа, которое и до сих пор не было по достоинству оценено и изучено в России. Это его политический либерализм. Эту сторону его творчества упускали из виду его русские поклонники. Единственным человеком, который отмечал идеи Листа о гражданских свободах, был С. Витте. Однако российский политический режим его времени не позволял ему обсуждать эту тему как нечто большее, чем просто теоретическое понятие.

Предшественники Листа в России

Тема “Фридрих Лист и Россия” не ограничивается лишь отношением российских читателей к его идеям. Во-первых, для Листа Россия была одним из исторических примеров выгод от возвращения к протекционистской политике. Он ссылался на введение второго в России протекционистского тарифа в 1822 г. после непродолжительного периода политики свободной торговли, вдохновленного Г. Шторхом после наполеоновских войн (с 1819 г.). Подобное быстрое изменение могло бы быть хорошим примером для немецких государств. В то же время, подчеркивая хорошие результаты введения новых тарифов, Лист предупреждал Россию о будущих барьерах, с которыми страна столкнется на пути к прогрессу. Это крепостничество, отсутствие разумных муниципальных учреждений, слабое образование и транспортные проблемы.

Как известно, российская внешнеторговая политика в XIX в. претерпела несколько радикальных изменений. Начало века страна встретила с запретительными тарифами, введенными сначала против революционной Франции, а также против некоторых английских промышленных товаров¹. Затем под влиянием А. Смита и Ж.-Б. Сэя в 1819 г. были введены либеральные тарифы. С конца 1820-х гг. внешнеторговые дела определялись протекционистскими взглядами Н. Мордвинова и Г. Канкрина. Относительно либеральная политика проводилась в России после поражения в Крымской войне в 1857–1868 гг., но после 1882 г., когда Н. Бунге стал министром финансов, произошел решительный поворот к протекционизму. В 1891 г. протекционистский тариф был введен министром И. Вышнеградским.

Второй пункт, связывающий Листа с Россией еще до публикации “Национальной системы политической экономии”, – это фигура адмирала графа Н. Мордвинова. Российские историки экономической мысли, начиная, вероятно, с М. Туган-Барановского [Покидченко, Калмычкова 2003, р. 257], имеют тенденцию находить параллели между Листом и министром ВМФ России. Мордвинова называли “Русским Листом”, подчеркивая при этом, что он жил на четверть века раньше Листа. Параллели действительно

¹ К этому периоду относится также участие России в так называемой “континентальной блокаде”, введенной Наполеоном против Англии. Россия присоединилась к ней после Тильзитского мира. Однако обусловленный блокадой запрет на торговые отношения с Англией носил сугубо политический характер, не имевший никакого отношения к экономической протекционистской политике.

впечатляют, хотя Мордвинов никогда не высказывал своих взглядов на систематической научной основе и писал лишь заметки для русских царей – Александра I и Николая I². Лист, в свою очередь, выводил необходимость протекционистской политики из своей теории производительных сил [Цвайнерт 2008, р. 105] (хотя теория и не относится к рикардианскому типу).

Но даже сам факт, что сравнение это встречается много раз, доказывает: имя Листа было популярным среди российских экономистов начала XX в. Мордвинов был последователем британских экономистов и философов А. Смита и И. Бентама и в то же время поддерживал протекционизм для молодых отраслей и боролся против либеральных тарифов, введенных в России в 1819 г. Кроме того, он напоминал Листа и в других отношениях. Например, писал, что свобода, просвещение, собственность и закон – единственные источники национального богатства. В то же время он выступал против освобождения крестьян в России как несвоевременной меры, так же как и Лист, который рекомендовал постепенное освобождение рабов в Америке [Цвайнерт 2008, с. 103]. Таким образом, взгляды Мордвинова были одновременно и либеральными, и протекционистскими, и достаточно pragматичными, что напоминает нам взгляды Листа. “Русский Лист” писал о необходимости строительства железной дороги в России и советовал финансировать его из государственного военного бюджета [Богомазов, Благих 2010, с. 260]. Он, равно как и Лист, подчеркивал приоритетность промышленного сектора и объяснял экономическую отсталость России чрезмерной специализацией в производстве сельскохозяйственной продукции.

Маловероятно, что “Русский Лист” Мордвинов мог повлиять на Листа. Однако влияние другого великого русского экономиста – Г. фон Шторха, который был немцем и писал по-французски, можно обнаружить с большой уверенностью. Центральный элемент теории производительных сил Листа, был, по всей вероятности, сформирован под влиянием концепции Шторха о нематериальных внутренних благах, которые необходимы для материального благополучия³. Но выводы Листа для политики были полностью противоположны тем, к которым приходил Шторх как приверженец концепции свободной торговли.

Кроме того, связь между Листом и Россией прослеживается через графа Канкриня – министра финансов России с 1823 по 1844 г. и автора в какой-то мере теоретических книг. Канкрин ввел в обращение серебряный рубль, что считалось его главным достижением. Он придерживался протекционистских взглядов, за что получил одобрительную характеристику от Листа в “Национальной системе”. Однако, в отличие от логики Листа, протекционизм Канкриня был обоснован необходимостью уберечь Россию от опасностей экономических и социальных кризисов в Европе. Причины этих кризисов Канкрин видел в промышленном развитии, строительстве железных дорог и акционерных обществах и пытался предотвратить подобные явления в России.

В целом его взгляды радикально отличались от взглядов Листа, но он был впечатлен идеями протекционизма Листа и процитировал его в своей основной книге “Экономия человеческих обществ и финансы – написана бывшим министром финансов (графом Георгием Канкриним)”, опубликованной в 1845 г. [Цвайнерт 2008, с. 165–166]. Вероятно, Канкрин был единственным поклонником Листа в России, который поддерживал политику протекционизма, но не соглашался с необходимостью индустриализации. Однако хорошо известно, что в 1843 г. он встретился с Листом в Мюнхене и после долгого пятичасового разговора пригласил его работать в России [Wendler 2015, р. 475]. Но вскоре после этого Канкрин умер, и их встреча на территории Российской империи так и не состоялась.

² Вероятно, “самая научная” работа Мордвинова – его брошюра “Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе”, где он высказал свое мнение о необходимости протекционистских мер для российской промышленности.

³ Даже порядок перечисления этих благ полностью воспроизводится в книге Листа [Цвайнерт 2008, с. 76].

Реакция на “Национальную систему политической экономии” в России

Один из первых российских откликов на книгу Листа принадлежит С. Маслову (1793–1879), основателю Императорского Московского сельскохозяйственного общества и редактору “Сельскохозяйственного журнала”. Это был активный и известный деятель в сфере российского сельского хозяйства, положивший начало отечественной сахарной промышленности. В одном из выпусков “Сельскохозяйственного журнала” в 1852 г. он рассматривает “Национальную систему” Листа и его выступление на Конгрессе немецких экономистов сельского и лесного хозяйства, состоявшегося десятилетием ранее (Маслов посещал Конгресс в качестве гостя). В результате, он сделал длинный (38 страниц) и, насколько можно судить, одобрительный обзор этого выступления и самой книги.

Некоторые идеи Листа, в особенности нематериалистическая составляющая его теории, были привлекательны для русских мыслителей славянофильского направления и считались частью немецкой исторической школы, которая стала популярной в России (особенно в 1870-х и 1880-х гг.). Но идеи Листа и старой немецкой исторической школы стали набирать популярность в России уже в 1850-е гг. [Zweyner 2008, p. 58].

Влияние немецких романтиков (прежде всего, естественная философия Ф. Шеллинга) также могло способствовать этому интересу. Большинство российских славянофилов не интересовались экономическими проблемами, но Ю. Самарин, наиболее образованный среди них в сфере политической экономии, цитировал “Национальную систему политической экономии” Листа в поддержку своего аргумента о многообразии национальных экономических институтов [Avtonomov, Glovelly 2016, p. 186]. Он ссылался на Листа в полемике о русской общине, подчеркивая неправильность переноса концепции индивидуальной полезности на общественные и национальные вопросы. Более того, он видел “Национальную систему” возможной основой методологически альтернативного подхода к экономической науке⁴.

Первый видный историк политической экономии в России, И. Вернадский, упомянул Листа в своей книге “Очерк об истории политической экономии”⁵ в необычном контексте. Он разделил экономическую науку на два основных направления: положительное и отрицательное. Первое характеризовалось признанием важной роли государства в экономическом развитии и включало в себя такие концепции, как меркантилизм, протекционизм и социализм. Второе опиралось на естественные законы развития, обосновывало ограниченное вмешательство государства в экономическую жизнь на базе школы физиократов и учения Смита. Сам Вернадский был последователем отрицательной ветви и охарактеризовал так называемый “протекционизм”, в том числе и убеждения Листа, как попытку (неудачную, однако) найти компромисс между упомянутыми двумя направлениями [Zweyner 2008, p. 152].

Вообще немецкая историческая школа была довольно популярна в России во второй половине XIX в. [Avtonomov, Glovelly 2015, p. 201]. Лист при этом признавался предшественником, если не основателем этой школы, и отношение к нему в тот исторический период было, соответственно, позитивным. А. Чупров – ведущий российский экономист, в 1870–1880 гг.⁶ учился в Лейпциге и Вене. Затем получил место заведующего кафедрой политической экономии в Московском университете. Он дал Листу положительную оценку в своей “Истории политической экономии”, опубликованной в 1892 г. И хотя экономические взгляды Чупрова были довольно эклектичными, важно отметить, что он оценил

⁴ “Незабываемый Фридрих Лист был первым, кто указал на ошибки экономистов, которые использовали концепции справедливости и полезности, применимые лишь к индивиду, к социальным и национальным проблемам” [Zweyner 2008, p. 181].

⁵ В своем эссе Вернадский упомянул даже Г. Госсена, который, как мы знаем, был полностью забыт и вновь открыт У.С. Джевонсом только несколько десятилетий спустя [Вернадский 1858].

⁶ Й. Цвайнерт оценивает позицию Чупрова как аналогичную позиции Г. Шмидлера в Германии [Цвайнерт 2008, с. 231].

идеи Листа о нации как едином организме и посреднике между отдельными индивидами и всем человечеством. Причем Чупров, как и Лист, поддерживал идею развития железных дорог и был членом Российской специальной высшей комиссии по железным дорогам, которая разработала “Общий устав Российских железных дорог” и приобрела частные железные дороги для государственной собственности [Avtonomov, Glovelly 2016, p. 190]. В то же время характерно, что, описывая производительные силы в сельском хозяйстве, производстве и торговле, Чупров не упомянул производительные силы, связанные с демократическими свободами. Это свойственно и другим почитателям Листа в России второй половины XIX в.

Сергей Витте – главный последователь Листа в России

Самым преданным поклонником Листа в России был, вне всякого сомнения, С. Витте – инженер по эксплуатации железных дорог, впоследствии министр финансов и премьер-министр России. Его позиция может быть охарактеризована как либеральная и националистическая одновременно, что напоминает и взгляды Листа. Знакомство его с “Национальной системой” изменило мировоззрение Витте-славянофила, ранее считавшего капитализм опасностью для общественного порядка и состояния рабочих классов. В 1889 г. Витте опубликовал свою первую брошюру о Листе, озаглавленную “Национальная экономия и Фридрих Лист”. Это произошло за два года до появления русского перевода “Национальной системы политической экономии”. Фактически Витте написал брошюру, знакомящую российскую аудиторию с идеями Листа. Поэтому он внимательно и очень подробно следовал за мыслью немецкого автора. Цитаты, иногда длиной в страницы, чередуются у Витте со ссылками и короткими комментариями, которые выполняют три основные задачи:

- показать, что рекомендации Листа были реализованы в политике О. Бисмарка и в конечном итоге привели к процветанию немецкой нации;
- предупредить российскую общественность, что все, написанное Листом об отношениях Германии с Англией, могло бы быть применено для описания отношений России с Германией ряд десятилетий спустя;
- выразить свое мнение о “позитивном” национализме, его отличии от “эгоистического”⁷ (национализм не считался бесспорным злом как Листом, так и Витте).

Таким образом, брошюра Витте не представляла собой независимое исследование, а лишь передавала, популяризовала идеи Листа. Поэтому, вероятно, интересно посмотреть не столько на ее содержание, сколько на то, какие аспекты “Национальной экономии” Витте обошел своим вниманием. Не будучи экономистом по образованию (хотя содержание брошюры говорит о нем как о профессиональном теоретике), он подчеркнул основную экономическую логику работы Листа: концепцию стадий, понятие производительных сил и осуществление политики, которая ведет к достижению высшей стадии посредством защиты молодых отраслей. Эта логическая последовательность была воспроизведена Витте очень близко к тексту Листа, со ссылками на его примеры. Также очень убедительно представлялась принципиальная методологическая оппозиция между теорией меновой стоимости Смита и теорией производительных сил Листа. В главах же, о которых Витте умолчал в своей брошюре, речь шла о соотношении мануфактурных и сельскохозяйственных отраслей, о торговле, судоходстве, природных производительных силах и о прогрессе в целом. Эти главы были частью “триумфальной песни товарного производства”, которую П. Струве упомянул в своей книге [Струве 2015, с. 124]. Очевидно, Витте воспринимал эти моменты как сами собой разумеющиеся. То же можно сказать и о последних главах, посвященных непосредственно тарифной политике.

Примерно в это же время (в 1892 г.) идеи Листа активно использовались Д. Менделеевым, который, помимо работ по фундаментальной и прикладной химии, много внимания уделял

⁷ Эта идея была явно высказана во втором издании брошюры Витте, опубликованной в 1912 г.

и экономическим вопросам и может считаться одним из ведущих прикладных экономистов дореволюционной России. Его идеи были жизненно важны для развития российской нефтедобывающей и угольной промышленности, инфраструктуры транспортировки нефтепродуктов и угля. Ему принадлежит идея промышленного развития как основного пути улучшения сельского хозяйства в России. Протекционистский тариф 1891 г. рассматривался Менделеевым как адекватная политика продвижения национальных производительных сил, что полностью соответствует идеям Листа, и Менделеев открыто писал об этом. В своей работе “Толковый тариф”, который его современники считали “Библией русского протекционизма” [Антонов 2008, с. 266], Менделеев призывает следовать идеям Листа и переименовать политическую экономию в “национальную экономию”. Переход от первой к последней, по его словам, будет равен переходу от алгебры и геометрии к механике [Гловели 2005, с. 310].

В качестве примера абстрактной политической экономии Менделеев ссылается на “Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике” И. Тюнена (1826 г.). Согласно Менделееву, переход от концепции индивида к концепции человечества, минуя концепцию нации, – ошибочный способ экономических рассуждений, особенно когда обсуждаются торговые тарифы [Гловели 2005, с. 308]. Менделеев и Витте сходились во взглядах на индустриальное развитие России. Однако их взгляды несколько различались в том, что касалось российской “общины”, которую Менделеев считал способной к выживанию.

Витте был в то время в самом начале своей стремительной карьеры, будучи лишь высокопоставленным железнодорожным администратором. Став министром финансов, он с 1892 по 1903 г. проводил активную и в значительной степени успешную политику, основанную на развитии промышленности и строительстве железных дорог, поддерживаемых правительством и с использованием иностранного капитала (привлеченного сильным рублем, конвертируемым в золото). Можно предположить, что Лист одобрил бы такую политику своего последователя.

Использование Витте протекционистских мер не было экстремистским. Он даже несколько снизил протекционистский тариф, введенный его предшественником И. Вышнеградским. Его наиболее “листианские” меры были связаны с масштабным строительством железных дорог (включая знаменитую Транссибирскую линию) при решающем участии государства (две трети российских железных дорог были переданы в государственную собственность). Наиболее важной по тоннажу транспортируемых товаров была железнодорожная дорога, соединявшая Донецкие угольные шахты с железорудными месторождениями Кривого Рога [Гловели 2005, с. 15]. Кроме того, Витте открыл новые источники капитала (в том числе иностранные) для финансирования промышленных предприятий и создал систему технологического и коммерческого образования в России. Следует отметить, что при Витте Министерство финансов России отвечало за развитие транспорта, образования, коммерческого кредита. Для всех этих видов деятельности министр имел большой бюджет, значительная часть которого была связана с доходами от продажи алкоголя. Витте сделал этот важный источник дохода государственной монополией.

Витте принял почти все аспекты системы Листа, кроме одного из самых важных – политического либерализма и республиканизма. В одной из своих заметок, адресованных царю, он писал о конституции, которая являлась, по его мнению, величайшей ложью того времени, совершенно неприменимой для России с ее многонациональностью [Богомазов, Благих 2010 с. 286]. Фактически он верил в сочетание абсолютной монархии и просвещенной бюрократии, которое могло бы гарантировать значительную индивидуальную свободу. Но со временем Витте (в сложных условиях революционного подъема 1905 г.), оставаясь верным монархистом, написал “Манифест 17 октября 1905 года”, который на самом деле был первым российским конституционным актом.

Будучи министром финансов, Витте также отвечал за экономическое образование брата царя великого князя Михаила – наследника русского престола до рождения цесаревича

Алексея. Витте читал лекции Михаилу в 1900–1902 гг. Почти одновременно К. Менгер обучал кронпринца Рудольфа – наследника австрийского престола. Интересно, что оба наставника в своих занятиях делали акцент на прикладной, а не теоретической экономике. Это совершенно понятно в случае Витте, но интересно, что и Менгер, известный благодаря своему теоретическому трактату “Основания учения о народном хозяйстве”, не “нагружал” своего сиятельного ученика теорией предельной полезности. Предметами, которые Витте должен был объяснить великому князю, были экономическая теория и государственные финансы. Его курс изобиловал ссылками на современную российскую практику. Но в нем не нашлось места таким темам, пропагандируемым Листом, как производительные силы и демократические институты. Однако лекция № 18, в которой речь идет о внешней торговле, ее теории и протекционистской политике, содержит непосредственное обсуждение работы Листа и политики Бисмарка. Лекция передает размышления Листа о меркантилизме и физиократах, обсуждаются аргументы Смита о свободной торговле, прочные теоретические тезисы, которые, однако, могут быть *не-применимыми для конкретных стран*. Теория Смита служила интересам Англии, потому что она убеждала менее развитые страны в преимуществах свободной торговли. В целом идеи Смита о преимуществах свободной торговли были охарактеризованы в лекции как несвоевременные. Лист представил теорию национального развития каждой страны, описывающую различные этапы ее развития и важность протекционистской торговой политики для достижения наивысшей торгово-промышленной стадии. Согласно лекции Витте, он логически и теоретически связал протекционизм и национализм, и эта связь была исторически проиллюстрирована в политике Германии и Италии.

Витте рассматривал Бисмарка как истинного последователя Листа, за исключением одного момента: он применил протекционистскую политику и по отношению к сельскому хозяйству, что противоречило идеям Листа. Протекционистская политика России, предложенная при Александре III Н. Бунге и И. Вышнеградским, получила высокую оценку Витте. В том же курсе лекций он ясно выразил свое мнение о разумной политике в отношении иностранного капитала, упомянул, что Россия всегда страдала от нехватки собственных средств из-за ряда исторических событий. То, что заставило страну подняться, было именно привлечение иностранного капитала. В лекции № 13 Витте утверждал, что Россия как страна, испытывающая экономические трудности, должна выращивать и развивать свою собственную обрабатывающую промышленность посредством протекционистской политики и ускорять этот процесс, используя капитал стран, которые исторически опережали Россию [Vittme 2011, с. 139].

Второе издание брошюры Витте о Листе с измененным названием “По поводу национализма”, как уже упоминалось, было опубликовано в 1912 г. (через 20 лет после первого). Почему именно в это время и с новым названием? К тому времени протекционизм утвердился во всем мире и, по видимому, сделал несколько стран (в первую очередь, Германию и Россию) относительно более сильными. Витте, который оглядывался назад, в то время, когда он фактически руководил страной и подвергался резкой критике со стороны различных кругов общества, объяснял в новом издании различие между “здравым” и “болезненным” национализмом. Он характеризовал Листа и Бисмарка (а также неявным образом себя самого) как представителей здорового национализма, ведомого разумом. Другой тип национализма подчинялся страсти и низким чувствам (например, мести), а не разуму. В качестве примера Витте приводил турецкого султана Абдул Хамида, но очевидно, имел в виду и некоторых влиятельных россиян.

Лист и распространение марксизма в России

Главной темой дискуссий в российском обществе конца XIX в. была судьба капитализма в стране. Экономические результаты Великих реформ в сельском хозяйстве и для крестьянского, и для дворянского секторов оказались не просто неудовлетво-

рительными, но для последнего даже катастрофическими. Дело в том, что многие дворяне использовали свои земли в качестве залога для получения потребительских кредитов. Правительство не хотело, чтобы дворяне – основная политическая опора строя, потеряли источник своей экономической силы. Поэтому был организован специальный банк и принят ряд других мер сомнительной эффективности. Но объем сельскохозяйственной продукции дворянской части российских земель значительно сократился, что воспринималось народническими критиками как доказательство неполноценности и неэффективности капиталистического производства (к каковому причислялось и сельскохозяйственное производство дворянских хозяйств) как такового. В то же время та часть сельскохозяйственных земель, которая отошла крестьянам, была перенаселенной и бедной.

В то же время в промышленности капиталистический сектор развивался достаточно быстро и вытеснил крестьянские хозяйства с рынка промышленных товаров. Это сделало ситуацию для них еще более опасной. Ведущие радикальные сторонники народного производства (В. Воронцов и Н. Даниэльсон) выступали за государственную финансовую поддержку крестьян, что помогло бы им укрепить свои позиции. Струве – один из первых русских марксистов, опубликовал в 1894 г. книгу “Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России” (в нее вошли 6 статей, опубликованных ранее в немецкой прессе), в которой он спорил с точкой зрения народников и доказывал неизбежность капиталистического развития России, а также его временные выгоды (имея в виду окончательный переход к социализму). Книга заканчивалась призывом признать недостаток образованности российского общества и пройти школу капитализма. В некотором смысле Струве был более последовательным марксистом, чем К. Маркс, который изменил свое мнение о России и начал верить, что эта страна может избежать капиталистической стадии развития. Важно, что Струве сумел объединить концепции национализма и либерализма. В этом его видение ситуации напоминало представления Листа.

По мнению Струве, российские экономические проблемы решила бы быстрая индустриализация, которая могла бы привлечь население, занятое в аграрном секторе, в города и создать дополнительный спрос на сельскохозяйственную продукцию. Здесь он нашел поддержку не только в работах К. Маркса и Ф. Энгельса (прежде всего в “Коммунистическом манифесте”), но и в идеях Листа об индустриализации и превращении аграрного государства в агропромышленное. Самое важное, что нашел Струве в “Национальной системе” Листа, он выразил следующим образом: «Я не знаю книги, которая бы более убедительно, чем “Национальная система”, говорила бы об исторической неизбежности и законности капитализма в широком смысле слова» [Струве 2015, с. 123]. Интересным моментом было сравнение им основных работ Рикардо, Маркса и Листа. “Начала” Рикардо, являющиеся глубоким абстрактным анализом капиталистической системы Англии начала XIX в., поражают читателя своей деловой объективностью, сухостью и прямотой. Читатель не найдет там ни широкой исторической перспективы, ни социально-политической позиции. Напротив, “Капитал” Маркса, дающий дальнейшее теоретическое развитие идеям Рикардо, предлагает одновременно широкую историческую картину и общественно-политическую окраску капиталистической системы. Что касается “Национальной системы” Листа, то это, по словам Струве, – “победная песнь торжествующего товарного производства, во всеуслышание провозглашающая его культурно-историческую мощь и победоносное шествие по всем языкам” [Струве 2015, с. 124]. Однако песня, даже победоносная, – еще не теория. Поэтому такое сравнение можно рассматривать как взгляд на Листа несколько свысока. Но тут мы должны помнить, что главная задача Струве заключалась в доказательстве неизбежности и необходимости капитализма в России.

В дискуссии о судьбе капитализма в России включился и С. Булгаков, марксист, а впоследствии – православный священник. В работе “Истории экономических и социальных учений” он оценивал вклад Листа с заметной симпатией: “В настоящее время понятие про-

изводительных сил и развития производства до такой степени связаны с учением Маркса и его школы, что забывают о том, что первый, кто высказал эту мысль, был Лист. При этом самое понимание идеи производительных сил у него было полнее, богаче, плодотворнее, нежели у Маркса. У Маркса понимание производительных сил устанавливается главным образом с точки зрения меновых, материальных ценностей, не столько сил, сколько продуктов” [Булгаков 2007, с. 353]. Булгаков положительно оценил протекционистские идеи Листа, говоря: “В настоящее время эти идеи Листа сделались до такой степени признанными истинами политической экономии, что свобода торговли защищается лишь как частное средство в применении к определенным условиям, но отнюдь не как универсально применимое начало экономической политики” [Булгаков 2007, с. 354].

Еще одна заслуга Листа, согласно Булгакову, состоит в том, что он освободил политическую экономию от укоренившейся идеи Смита о производительном и непроизводительном труде. В лекциях по истории политической экономии в Московском торговом институте в 1910–1917 гг., читанных после его обращения к идеализму и православию, а также в “Философии экономики” и других произведениях, которые скорее напоминают богословские, чем экономические трактаты, Булгаков симпатизирует подходу Листа и его критике материалистической доктрины Смита. Он подчеркивает, что “Лист является основателем исторической политической экономии. Он вполне сознательно и отчетливо ставит задачи экономической жизни на историческую почву, и в этом состоит его значение в истории политической экономии” [Булгаков 2007, с. 356].

Таким образом, если для Самарина, Чупрова и Булгакова Лист представлял национальную и антикосмополитическую политическую экономию исторической школы, то для Струве и Витте – героя европейского капитализма, а для Канкрина – чистого протекциониста. Любопытно, что Струве и Витте оказались по одну сторону баррикад. Объяснить это можно не только личными взглядами двух мыслителей, но и тем, что в России того времени министерство финансов (возглавляемое Бунге, Вышнеградским и Витте) выступало за интересы промышленности, тогда как за поддержку сельского хозяйства отвечало министерство внутренних дел.

Отношение к Листу в Советском Союзе

Можно выделить два главных подхода к трактовке наследия Листа в Советском Союзе. Он воспринимался тогда как:

– “вульгарный экономист”, представляющий идеологическую позицию промышленной буржуазии, фактически устранив теоретические задачи политической экономии [Каратайев 1963, с.120];

– немецкий националист в geopolитическом контексте [Экономическая… 1973, с. 358].

Советские публикации о Листе интересны скорее не отражением восприятия Листа как такового, а изобилием отсылок к особой квазинаучной дисциплине, называемой тогда “критикой буржуазной экономической мысли”. Советским читателям, как правило, не были доступны работы самих “буржуазных экономистов”. Они получали представление о них из работ специалистов по “критике буржуазной экономической мысли”, в которых обычно не излагалось содержание критикуемых теорий (как это делал, например, Витте применительно к Листу). Такой подход назывался “объективизмом” и считался серьезным идеологическим промахом. Потому советские “критики” ограничивались критическими тезисами, которые иногда не имели ничего общего с соответствующими теориями⁸.

⁸ Справедливости ради стоит добавить, что и среди работ, посвященных “критике буржуазной политической экономии”, особенно если их авторами были серьезные экономисты, встречались и такие, которые позволяли вдумчивому читателю получить достаточно объективное представление о зарубежных теориях. Особенно после того, как официальные советские идеологи к концу 1970-х гг. разделили функции “буржуазной политэкономии” на “практическую” и “апологетическую” и то, что можно было отнести к “практической” функции, то есть по сути, к изучению реальных проблем западного мира, подвергалось цензуре в меньшей степени.

Двумя основными характеристиками, которые “советские специалисты по буржуазным теориям” давали “буржуазным экономическим доктринаам”, были “вульгарные” и “апологетические”. Сам термин “вульгарная политическая экономия” по-своему интересен. В первом томе “Капитала” Маркс представил важнейшие, по его мнению, категории политической экономии капитализма: стоимость, определяемая трудовыми затратами; стоимость рабочей силы как стоимость средств к существованию; прибавочная стоимость как продукт неоплачиваемого труда, результат вычета стоимости рабочей силы из всей стоимости товара. Эти основные категории могут быть обнаружены только теоретическим исследованием, поскольку они не встречаются в реальной экономической жизни, где можно выделить лишь преобразования этих категорий – цены, заработная плата, прибыль и т.д. Поэтому экономисты, работающие только с этими последними категориями, представляются как касающиеся только поверхности экономической жизни и рассматривающие ее с точки зрения экономических агентов. Соответственно, эволюция экономической мысли была представлена как идущая в гору от У. Петти до Д. Рикардо, который разрабатывал трудовую теорию стоимости. Затем появился “Капитал” в качестве верховой теории. После того, как сущность экономических явлений была объяснена Марксом, любые дальнейшие разработки можно было бы назвать “вульгаризацией” политической экономии.

Термин “апологетическая” указывал на то, что рассматриваемые экономисты представляют интересы определенного класса (буржуазии или мелкой буржуазии), что не позволяет их работам быть действительно научными. Хорошим примером советской критики буржуазной политической экономии, обращенной в данном случае на Листа, может быть статья в провинциальном научном журнале, опубликованном в Вятке (городе, позднее в 1934 г. переименованном в Киров) в 1927 г. В ней можно выделить два типичных для советских работ момента:

– “Классовые симпатии Листа как идеолога промышленной буржуазии не могли привести его к правильной оценке фактов экономической истории”;

– “Положив в основу своей экономической системы ложную концепцию производительных сил, Лист не был в состоянии дать правильную оценку экономических явлений, и в своем объяснении отдельных экономических фактов допускал прямые извращения, противоречащие объективной обстановке и истинной сущности этих явлений” [Танаевский 1927, с. 66].

Однако данная статья не полностью безнадежна (в 1927 г. еще допускалась определенная степень объективности). Например, автор называет некоторые реальные особенности теоретической системы Листа, например его попытки “изъять из обихода политической экономии ее центральную теорию – теорию ценности, пытаясь все кардинальные вопросы экономической науки разрешить с точки зрения своей теории производительных сил” [Танаевский 1927, с. 70]. Но в то же время в статье содержатся серьезные ошибки. Так, заявляется, что Лист понимал под производительными силами только нематериальные факторы [Танаевский 1927, с. 73], и он обвиняется в “игнорировании производственного примата, характерного для буржуазного экономиста” [Танаевский 1927, с. 77]. Это, мягко говоря, явное преувеличение.

Отношение к Листу в СССР, вероятно, было также обусловлено прежде всего взглядами Маркса на его идеи. Они стали известны советскому читателю в 1956 г. в сборнике ранних произведений основоположников марксизма. Затем эта работа была перепечатана в 1971 г. в журнале “Вопросы истории КПСС”, а в 1974 г. в 42-м томе второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Статья является воспроизведением рукописи Маркса, направленной в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС его правнуком. Однако в рукописи оказались пропущены страницы, и трудно было отличить слова, написанные самим Марксом, от тех, которые добавили советские издатели. Тем не менее в статье недвусмысленно отражено отношение Маркса к Листу, которое не могло не сыграть важную роль в восприятии идей Листа в период существования СССР.

Введение в статью, сделанное публикатором варианта 1971 г., задает тон для последующего повествования. Читатель обнаруживает, что “и Маркс, и Энгельс сочли необходимым выступить с критикой этой книги (“Национальной системы” Листа. – *B.A., E.B.*), явившейся как бы манифестом начавшей поднимать голову немецкой буржуазии, стремившейся к богатству и господству” [Маркс 1971, с. 3]. Маркс критиковал идеологическую, теоретическую и этическую позицию Листа. Нет сомнения, что самым опасным, по его мнению, было “идеологическое заблуждение”, продемонстрированное Листом. В статье утверждается, что “немецкий буржуа начинает свой путь к богатству с создания сентиментально напыщенной, лицемерно идеализирующей политической экономии”. Эта “новая политическая экономия”, основанная на теории производительных сил (*Produktivkräfte*), позволяет немецкому протекционисту оправдать государственное вмешательство. Фактически Лист признал только протекционистские меры, которые помогли немецким буржуа достичь своей цели, а именно, богатства и господства [Маркс 1971, с. 11].

Далее Маркс описывает противоречие в идеях Листа. Единственное, чего хочет немецкий буржуа, – разбогатеть; однако это противоречит немецкому идеализму и “его собственной совести”. Потому, заключает Маркс, немецкий буржуа, представленный Листом, “силится доказать, что не гонится за неправедными, материальными благами, а вместо скверных, конечных меновых стоимостей стремится к некоей духовной сущности, к бесконечной производительной силе” [Маркс 1971, с. 11]. Следовательно, по Марксу, для Листа теория производительных сил была лишь средством примирения его материалистических взглядов с идеологией, преобладавшей в немецком обществе, – идеализмом.

По мнению Маркса, основной теоретической ошибкой Листа была путаница двух понятий (материальных благ и меновых стоимостей), и он рекомендует Листу “уразуметь, что превращение материальных благ в меновые стоимости есть продукт существующего общественного строя, общества развитой частной собственности” [Маркс 1971, с. 14]. В статье также отмечается, что Лист не был знаком с идеями так называемой классической школы, хотя и критиковал эти идеи.

Затем Маркс переходит к националистическим взглядам Листа. С его точки зрения, Лист-буржуа хочет быть эксплуататором внутри страны, не будучи эксплуатированным за пределами страны. На самом деле Маркс высмеивает Листа, утверждая, что последний «важно раздувается в “нацию” вне страны и говорит: “Я не подчиняю себя законам конкуренции, это претит моему национальному достоинству; как нация я – существо, возвышающееся над торгаществом”» [Маркс 1971, с. 15]. У самого Маркса не существует иной национальности для рабочего, чем “труд, свободное рабство и самораспродажа”; нет другого правительства для рабочего, кроме капитала; нет другого воздуха для рабочего, чем фабричный воздух [Маркс 1971, с. 15]. Все эти оценки прочно вошли в арсенал и “критиков буржуазной политической экономии”, и в учебные курсы по истории экономической мысли, читаемые в вузах СССР.

Вероятно, первая более сбалансированная попытка оценить работу Листа и его личность была сделана А. Аникиным, автором лучшей советской книги по истории экономической мысли, написанной в духе, который напоминал “Философов от мира сего” Р. Хейлбронера. Со второго издания эта популярная, издаваемая достаточно большим тиражом, книга включала и главу, посвященную Листу [Аникин 1975, с. 323–333], с биографией и анализом его идей. В ней автору удалось почти избежать советских идеологических клише.

Новая волна популярности Листа в постсоветской России

Возможности знакомства с идеями Листа, а также анализа его творчества изменилась только с началом перестройки, отменившей теоретическую монополию догматического марксизма. Но надо признать, что время Листа пришло не сразу. Только в 1992 г. была переиздана брошюра Витте “Национальная экономика и Фридрих Лист” в журнале “Вопросы экономики” (№ 2) в разделе “Перелистывая старые издания” с введением,

одобряющим как антиматериалистические аспекты производительных сил Листа, так и его идею поддержки национальной промышленности в качестве альтернативы экспорту сырья, которую автор этого введения (А. Крюкова) нашла очень важной и актуальной для России. Крюкова добавила еще один важный аспект: борьбу Листа за единство национального рынка без каких-либо тарифных барьеров. Этот момент был особенно важен в предреформенный период 1991 г., когда некоторые регионы страны, стремясь защитить свои рынки от тотального дефицита, вводили собственные ограничения на вывоз товаров.

В ходе рыночных реформ стало очевидным противоречие между экспортным сектором российской экономики и производственными предприятиями. Представители сырьевых отраслей, обладающих сильным экспортным потенциалом, были сторонниками политики свободной торговли, вступления в ВТО и т. д. Что же касается промышленного сектора, то его конкурентоспособность поддерживалась в основном протекционистскими мерами. В такой ситуации пришло время, когда Лист снова оказался в центре внимания и споров российской публики. Так, главный редактор журнала “Эксперт” В. Фадеев лично инициировал в 2005 г. переиздание “Национальной системы политической экономии” (с предисловием К. Трубникова). В книгу были также включены брошюра Витте “По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист” и статья Менделеева “Толковый тариф”. Краткое введение Фадеева показывает, что его симпатии полностью на стороне Листа и его последователей. Иную позицию занял стоящий на либеральных позициях российский экономист-германец Л. Цедилин. Исследуя историю протекционизма в России и критически относясь к протекционизму в принципе, он отметил, что «“просвещенный” протекционизм начала XX столетия (то есть именно тот, который проводился в жизнь Витте, вдохновленным идеями Листа. – В.А., Е.Б.), несомненно, сыграл прогрессивную роль, поскольку был не только нацелен на защиту “молодой” российской индустрии, но и способствовал привлечению в экономику страны иностранных инвестиций и осуществлению на этой основе стратегии модернизации» [Цедилин 2014, с. 109]. Самому же Листу, “воспитательному протекционизму” которого у Цедилина посвящена отдельная глава,дается вполне сбалансированная оценка и особо подчеркивается обусловленность его идеи историческим контекстом, для которого его убеждения (здесь Цеделин ссылается на современных немецких авторов) были вполне прогрессивными [Цедилин 2014, с. 20–24].

* * *

Таким образом, с момента переиздания “Национальной системы” идеи Листа не упали из виду в спорах о российской экономической и внешнеторговой политике. Однако их влияние до сегодняшнего дня достаточно умеренно. Что же касается сбалансированной оценки его трудов историками экономической мысли, то современный российский читатель найдет ее в работах Г. Гловели (см., например, [Гловели 2005]).

Подводя итог наших наблюдений за восприятием Листа в России, можно прежде всего сказать: они представляют яркий пример того, что оценка любого зарубежного мыслителя всегда сильно смещается в отечественном контексте. Нам кажется, что противоположность взглядов современных российских экономистов на его идеи можно было бы смягчить, если учесть принципиально разный уровень абстракции учения Листа и, например, теории Рикардо. На наш взгляд, эти два мыслителя олицетворяют два различных канона в экономической науке. Они различаются и уровнем абстракции, и предметом исследования (производительные силы или цены), и отношением к экономической политике [Автономов 2013]. И наконец, очень не хочется, чтобы экономисты теряли из виду такие производительные силы, как свобода и демократия, о которых столь красноречиво писал еще в первой половине XIX в. Фридрих Лист.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В.С. (2013) Абстракция – мать порядка? // Вопросы экономики. № 4. С. 4–23.
- Аникин А.В. (1975) Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М.: Мысль.
- Антонов М.Ф. (2008) Экономическое учение славянофилов. М.: Институт русской цивилизации.
- Богомазов Г.Г., Благих И.А. (2010) История экономики и экономической мысли в России. М.: Экономика.
- Булгаков С.Н. (2007) История экономических и социальных учений. М.: Астрель.
- Вернадский И.В. (1858) Очерк истории политической экономии. СПб.: б/и.
- Витте С.Ю. (2011) Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. М.: Издательство Юрайт.
- Гловели Г.Д. (2005) Лист, Витте и “национальная экономия” в России // Лист Ф. Национальная система политической экономии. Граф С.Ю. Витте по поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. Мендельев Д.И. Толковый тариф или исследование о развитии промышленности в России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. Москва: Европа.
- Каратеев Н.К. (ред.) (1963) История экономических учений. Учебник для вузов. М.: Издательство социально-экономической литературы.
- Маркс К. (1971) Карл Маркс о книге Ф.Листа “Национальная система политической экономии” // Вопросы истории КПСС. № 12. С. 3–27.
- Покидченко М., Калмычкова Е. (ред.) (2003) Историки экономической мысли России. В.В. Святловский, М.И. Туган-Барановский, В.Е. Железнов. М.: Наука. С. 149–153.
- Струве П.Б. (2015) Критические заметки по поводу экономического развития России. М.: LENAND.
- Танаевский В.А. (1927) Фридрих Лист и экономическая география // Труды Вятского Научно-исследовательского института краеведения. Том III. С. 65–77.
- Цвайнерт Й. (2008) История экономической мысли в России. 1805–1905. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Цедилин Л.И. (2014) Протекционизм в российской экономической политике: институциональный и исторический опыт. М.: Институт экономики РАН.
- Экономическая энциклопедия. Политическая экономия (1973). В 4 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия.
- Avtonomov V., Gloveli G. (2016) The influence of the German Historical School on economic theory and economic thought in Russia // The German Historical School and European Economic Thought. Ed. by J.L. Cardoso, M. Psalidopoulos. London, New York: Routledge, pp. 185–203.
- Wendler E. (2015) Friedrich List (1789–1846). A Visionary Economist with Social Responsibility. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag.
- Zweynert J. (2008) Between reason and historicity // Barnett V., Zweynert J. (Eds). Economics in Russia: studies in intellectual history. Ashgate Publishing Ltd.

Friedrich List in Russia

V. AVTONOMOV*
E. BURINA**

***Avtonomov Vladimir** – Doctor of Economic Sciences, Corresponding member of Russian Academy of Sciences. Professor of Department of Theoretical Economics, National Research University “Higher School of Economics”. Section Head, National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences/ Address: 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: vavtonomov@hse.ru

****Burina Elizaveta** – bachelor of sciences, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: e.burina@list.ru

Abstract

The article deals with the reception of Friedrich List’s ideas in Russia and the Soviet Union during different historical periods. Friedrich List is known as a critic of the English classical political economy, questioning its universal applicability. He proposed an alternative economic theory and policy for non-industrialised countries, including protection of young industries. In Russia different aspects of List’s ideas were popular, but not his support for political freedoms and democracy

Keywords: List, classical political economy, German historical school, free-trade, protectionism, productive forces, Russian economic thought, Mordvinov, Witte, Struve, Bulgakov, “critique of bourgeois political economy” in the Soviet Union.

REFERENCES

- Avtonomov V. (2013) Abstraktsiya – mat' poryadka? [Is abstraction the mother of order?]. *Voprosy ekonomiki*, no. 4, pp. 4–23.
- Avtonomov V., Glovel G. (2016) The influence of the German Historical School on economic theory and economic thought in Russia. *The German Historical School and European Economic Thought* (J.L. Cardoso, M. Psalidopoulos – Eds.) London; New York: Routledge, pp. 185–203.
- Anikin A. (1975) *Yunost' nauki* [A Science in its Youth]. M.: Mysl'.
- Antonov M.F. (2008) *Ekonomiceskoe uchenie slavyanofilov* [Economical Doctrine of the Slavophiles]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
- Bogomazov G., Blagikh I. (2010) *Istoriya ekonomiki i ekonomicheskoy mysli v Rossii* [A History of Russian Economy and Economic Thought]. Moscow: Ekonomika.
- Bulgakov S. (2007) *Istoriya ekonomiceskikh i sotsial'nykh ucheniy* [A History of Economic and Social Teachings]. Moscow: Astrel.
- Ekonomicheskaya enziklopediya. Politicheskaya ekonomiya (1973). V 4 t., t. 2 [Economic Encyclopedia. Political Economy], in 4 vol., vol. 2. Moscow: Sovetskaya enziklopediya.
- Glovel G. (2005) List, Witte i “natsional'naya ekonomiya” v Rossii [List, Witte and “national economy” in Russia. List F. (2005) *Natsional'naya sistema politicheskoy ekonomii* [The National System of Political Economy]. Graf Witte S. *Po povodu natsionalizma. Natsional'naya ekonomiya i Friedrich List* [On Nationalism. National Economy and Friedrich List]. Mendeleev D. *Tolkovy tarif ili issledovaniye o razvitiyu promyshlennosti v Rossii v svyazi s yevo obshim tamozhennym tarifom 1891 goda* [The Sound Tariff or Investigation of Industrial Development in Russia in Connection with the General Tariff of 1891] (2005). Moscow: Evropa.
- Karataev N.K. (ed.) (1963) *Istoriya ekonomiceskikh ucheniy. Uchebnik dlya vuzov* [History of Economic Thought. Textbook for universities]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury.
- Marx K. (1971) Karl Marx o knige F. Lista “Natsional'naya sistema politicheskoy ekonomii” [Karl Marx on the book “National System of Political Economy” by List]. *Voprosy istorii KPSS*, no. 12, pp. 3–27.
- Pokidchenko M., Kalmychkova E. (Eds.) (2003) *Istoriki ekonomicheskoy mysli Rossii. V.Svyatlovsky, M. Tugan-Baranovsky, V.Zhelezov*. [Historians of Russian Economic Thought. V. Svyatlovsky, M. Tugan-Baranovsky, V. Zhelezov]. M.: Nauka, pp. 149–153.
- Struve P. (2015) *Kriticheskiye zametki po povodu ekonomiceskogo razvitiya Rossii* [Critical Notes on Economic Development in Russia]. Moscow: LENAND.
- Tanayevsky V. (1927) Friedrich List i ekonomicheskaya geografiya [Friedrich List and Economic Geography]. *Trudy Vyatskogo Nauchno-issledovatel'skogo instituta krayevedeniya*, vol. III, pp. 65–77.
- Tsedilin L. (2014) *Protektsionizm v rossiyskoy ekonomiceskoy politike: institutsional'nyi i istoricheskyy opyt*. [Protectionism in Russian Economic Policy: Institutional and Historical Aspects]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Vernadsky I. (1858) *Ocherk istorii politicheskoy ekonomii*. [Essays in History of Political Economy]. St.-Petersburg: [s. l.].
- Wendler E. (2015) *Friedrich List (1789–1846). A Visionary Economist with Social Responsibility*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.
- Witte S.Yu. (2011) *Konspekt lektsii o narodnom i gosudarstvennom hoziaistve, chitannyykh ego imperatorskomu vy'sochestvu velikomu kniaziu Mihailu Aleksandrovichu v 1900–1902 godakh* [Lecture Notes on National and State Economy. Lectures delivered to His Imperial Highness Grand Duke Michail Alexandrovich in 1900–1902]. Moscow: URAIT-publishers.
- Zweynert J. (2008) Between reason and historicity. Barnett V., Zweynert J. (Eds.). *Economics in Russia: studies in intellectual history*. Ashgate Publishing Ltd.
- Zweynert J. (2008) *Istoriya ekonomiceskoy mysli v Rossii. 1805–1905* [A History of Economic Thought in Russia]. Moscow: Izdatel'sky dom SU-HSE.